Автор: Оргкомитет
08.04.2014 17:52

Живет в Киеве (Украина).

Поминальное

Похоронный набат. И пропахшие дымом руины.
И безумный кобзарь в переходе о "воле" поёт.
Как бездомные псы, остывающий труп Украины
Вдохновенно грызут озверевшие дети её.

Не сплотил нас Майдан — разделил беспощадно и чётко
На "друзей" и "врагов". Или нет — на "своих" и"чужих".
Я по жизни — поэт, неподвластный ни Богу, ни чёрту,
Чей рассудок — броня, о которую гнутся ножи.

Вам не страшно — ничуть? Извините, вовек не поверю.
Псевдобратья мои оскотиниться вмиг не могли!
Я не смерти боюсь, а единственной горькой потери.
Я любовью живу, а не тоннами изданных книг.

Я — изгнанник. Изгой. Только нет без присяги измены.

Но за правду без прав я стерплю приговор без вины.
И Всевышний избавь превратиться в кирпич постамента
Самозванных богов не имеющей смысла войны.

Не осталось врагов, для которых не жалко патрона.
Легковесны стихи. Из трагедии лепят игру.
Стать придворным певцом у подножия нового трона
На могиле страны? Милосерднее выстрелы в грудь.

Над столицей — туман. Он из пепла кровавого соткан.
И торчит монумент, словно в сердце нацеленный гвоздь.
Вы поёте псалмы, провожая Небесную Сотню,
Ну, а где вожаки? Одурманены дракой за кость.

Их пустые глаза наливаются кровью от жажды.
Ядовиты клыки. Их душонки — бездонный ларец.
Батькивщина моя, если ты не воскренешь однажды —
Я тебя отпою. А меня — наш наивный Творец.

Я уже не стыжусь унижений, насмешек, проклятий.
Может быть, среди вас протрезвеет один "идиот",
И придутся ему в аккурат неуклюжие латы.
Он оплачет меня. И все песни мои — допоёт.

Исповедь

Ноль целых. Явилась на свет, а меня не ждут.
Обратно метнулась. Вернули — и не спросили.
Верстала судьба заковыристый мой маршрут
На ощупь. И не научила дышать вполсилы.

Три года. «Уйди — под ногами не мельтеши».
Обида терзает удушьем, и больно плакать.
Гостинка. Пропахшие кошками этажи.
Вороны. И ржавый турник. И густая слякоть.

Шесть лет. Извела все ремни. Научилась врать.
«Скотина! Уродина — в мать!» «Не скажи — в папашу!»
За ширмой гудит телевизор. Моргает бра.
И слышен сквозь тонкую стенку соседский кашель.

А в десять, губу закусив и глотая кровь,
На стаю трусливых шакалов — отбросив ужас.
«Очкарик! Позорное чучело!» «Рот закрой!»
И солнце полощет ладони в весенних лужах…

Двенадцать. Он — самый красивый! Он лучше всех!
В тетради кривую строку вывожу несмело.
Учитель случайно находит. Вдогонку — смех.
Записка на чёрной доске — аккуратно, мелом.

Тринадцать. «А хочешь по-взрослому?» «Не гони!»
Цыплячьи синюшные тушки во тьме подвала.
Воротит. Его поцелуи — такая гниль…
Задворки. «Вон та, толстозадая, мне давала…»

Шестнадцать. Надежда на чудо сошла на нет,
А губы давно потеряли и вкус, и запах.
Не верю в кофейную гущу, во власть планет,
Привычно гранёный стакан осушаю залпом.

За двадцать. «Сначала диплом!» «Мужики — козлы!»
Отстаньте. Я правду свою оплатила сердцем —
Остыло. Подделки под чувства, и правда, злы,
А тело разит ароматом дешёвых специй.

Формальность. И белое платье, и гости — вдрызг.
Похмелье. Помпезный банкет из обрывков соткан —
Из «Горько!», подвязки, шампанского липких брызг.
Измена. «Да ты на себя посмотри, красотка!»

Больница. Целебной отравой в меня плюёт
Спаситель в измятом халате, толкая речи.
…А в тридцать Господь мне в награду послал её.
«Удержишь?» Кивнула и сделала шаг навстречу.

Ночь с понедельника на воскресенье

Здесь рыбы плывут головами на север,
А реки текут от восхода луны,
И в ночь с понедельника на воскресенье
Мы неизлечимо друг другом больны.

Какая досада — враги околели!
Какая отрада — не сдали свои...
Две нежных окружности белых коленей —
Печать бесконечности первой любви.

В глубоком запое и разум, и совесть,
Я думаю сердцем, а вижу душой.
Когда-нибудь мы обретём невесомость,
Но станет прочнее невидимый шов.

Автор: Оргкомитет
08.04.2014 17:52

В глубоком запасе отвага и вера,
Шагаю на ощупь с пустого крыльца.
Мне вряд ли дано финишировать первым,
А если и первым — скорее, с конца.

Не бойся ненужности собственных песен,
Не майся, не кайся, родился — живи.
Но только однажды становится тесен
Спасительный кокон, хоть хрупок на вид.

Я в этой глуши даже Богом не узнан,
Стареющим солнцем завещан тебе,
Давно между нами не грубые узы,
А небо — седое, как древний Тибет.

Оно неслучайно становится близким —
Оно растворяется в нашей крови...
Качаются ветки и падают листья
В преддверии снега, реви — не реви.

Здесь птицы летят без оглядки на север,
Сгущаются краски и гаснут огни...
А в ночь с понедельника на воскресенье
Мы, сбросив покровы, остались одни.